

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

Н.Е. НИКОНОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

К.И. ДУБОВЕНКО

аспирант, кафедра романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: ksutka1@mail.ru

N.E. NIKONOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of Romano-Germanic Philology, National Research Tomsk State University

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

K.I. DUBOVENKO

Graduate student, Department of Romano-Germanic Philology, National Research Tomsk State University

E-mail: ksutka1@mail.ru

**О НЕМЕЦКОМ ФОНЕ КОНЦЕПТОВ МЕЛАНХОЛИИ И ЭНТУЗИАЗМА
В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО**

**TO THE BACKGROUND OF GERMAN MELANCHOLY AND ENTHUSIASM
CONCEPTS IN V.A. ZHYKOVSKY'S LIFE AND WORKS**

Статья посвящена актуальному вопросу современного литературоведения: взаимодействию В.А. Жуковского с немецким миром в финальный период житнетворчества 1840–1850-х гг. Особое внимание отведено концептам меланхолии и энтузиазма в контексте систематических занятий поэта немецкой духовно-назидательной литературой.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, немецкая духовноназидательная литература, меланхолия, энтузиазм.

This article is devoted to the topical issue of modern literary studies: interaction of V.A. Zhykovsky with the German world in the final period of his creative life in 1840–1850ies with a particular focus on melancholy and enthusiasm concepts in the context of Zhykovsky's German ecclesiastical-protreptic literature systematic studies.

Keywords: V.A. Zhykovsky, German ecclesiastical-protreptic literature, melancholy, enthusiasm.

Особый статус немецкого мира на духовном горизонте первого русского романтика давно является актуальным вопросом современного жуковсковедения. Исследование личной библиотеки поэта, его неизвестных автографов и неизданных архивных документов лишней раз подтверждают необходимость осмысления житнетворчества позднего В.А. Жуковского в контексте немецкой культуры и, в частности, немецкой духовно-назидательной литературы, которая была понастоящему воспринята им в 1840-х гг. В связи с систематическим осмыслением этого масштабного увлечения Жуковского последнего десятилетия был представлен целый цикл статей, результатом которого стали доказательные выводы о восприятии русским классиком конкретных изданий [4] и авторов эпохи благочестия и пиетизма, среди которых И. Арндт, Г. Мюллер, Т.Ф.Д. Клифот, И.Э. Фейт [1], разработке концептуальной системы религиозно-романтического сознания, поставлен вопрос о программности выписок из духовно-назидательной литературы на страницах записных книжек 1840-1850-х гг. Цель данной работы – продемонстрировать диалог эстетическо-художественной системы позднего В.А. Жуковского с немецким миром на концептуальном уровне.

Устойчивые концепты немецкой религиозной литературы составляют отдельную сферу житнетворческих исканий позднего Жуковского. Одними из тем, во многом навеянных трудами о благочестии, стали темы *меланхолии* и *энтузиазма*, глубокие размышления о которых рассыпаны по всей поэзии и прозе. Но свое наиболее яркое и целостное воплощение они обрели в статье «О меланхолии», изначально являющейся отрывком из письма И.В. Киреевскому, написанного в 1844 г., и позднем сочинении периода 1845-1850-х гг. под названием «Энтузиазм и энтузиасты».

Концепция меланхолии вошла в творчество поэта в юности, «в ранней лирике Жуковского меланхолия окончательно утверждается как доминирующая форма нравственно-эстетического восприятия действительности, определяющая весь строй чувств лирического героя. Свои поэтические размышления лирический герой Жуковского развивает, уже находясь в состоянии просветленно-меланхолическом, вследствие чего, минуя этап рефлексии по поводу несовершенства мира, герой воплощает свою мысль в форме меланхолической медитации о жизни и человеке в аспекте их нравственного совершенствования» [3, С. 16]. Категория энтузиазма также была впитана Жуковским еще в молодости. В

1805-1806 гг., «стремясь стать „энтузиастом по рассудку“, Жуковский просит Александра Тургенева прислать ему „что-нибудь хорошее в Немецкой философии“», ибо она возвышает душу, делая её деятельнее: она больше возбуждает энтузиазм» [5, С. 154]. А.С. Янушкевич в статье «Метаморфозы русского энтузиазма» отмечает: «Круг чтения Жуковского этого времени позволяет говорить, что новым импульсом его энтузиазма, эстетического по своему характеру, становятся статья „О возвышенном“, „Письма об эстетическом воспитании человека“, трактат „О наивной и сентиментальной поэзии Шиллера“. Конспекты и статьи Жуковского 1805-1810 гг., особенно касающиеся проблем лирической поэзии, буквально пронизаны словообразом «энтузиазм» [5, С. 156]. Тем показательнее, что к периоду 1840-1850-х гг. оба ключевых концепта были переосмыслены Жуковским и получили новую интерпретацию, навеянную погружением в традиции немецкой культуры и немецкой духовной литературы.

Поворот Жуковского к жанру немецкой духовной словесности был обусловлен контекстом современной Пруссии вообще и окружением русского классика в частности. Консервативные круги немецко-прусской аристократии, ходатайствовавшие об объединении Германии под эгидой Пруссии, видели в этом содержании основание для нового государства и консолидации немецкого народа. Расцвет богословской литературы был задан на государственном уровне. Переиздания классической назидательной литературы и выпуск печатных версий новых авторов-богословов были призваны сформировать особое педагогическое и образовательное пространство, в противовес нарастающим революционным настроениям 1840-х гг. Пиетизм, как особая форма религиозности и индивидуального благочестия, органично вошел в жизнь первого русского романтика не без участия семейства супруги, Елизаветы фон Рейтерн. Пиетистская традиция, являющаяся, по сути, разновидностью домашних благочестивых собраний, ставших альтернативой традиционному церковному богослужению, импонировала Жуковскому свободой от всяческих догматов и необходимостью вдумчивого изучения священных книг с обязательным обсуждением христианских истин. Так «территория немецкого пространства в жизнетворчестве поэта расширилась за счет религиозной практики, предполагавшей определенный образ жизни и образ мыслей, которые импонировали Жуковскому. Следствием этого поворота к духовно-религиозным жанрам стало обращение к переводам Нового Завета и Апокалипсиса, замысел поэмы об Агасфере, собственная «христианская философия», замысел «священной истории», статья «О меланхолии...» и, скорее опосредованно, другие проекты» [2, С. 274].

Как известно, приверженцы пиетизма провозгласили печаль главной жизненной заповедью, а уныние – методом для ее достижения. На определенном этапе развития в эту традицию вошла меланхолия, породив особый тип «меланхолического пиетизма». Представитель этого направления воплощает собой «некий образ религи-

озного уныния», выступая меланхоликом от религии. Ввиду принципиальной испорченности мира и самого человека именно в духовном перерождении пиетисты видят единственный центр и суть всего учения Христа. Целью является радикальная перемена – сотворение «нового человека» [6, С. 144]. Перерождение, достижимое лишь с помощью меланхолии, важно для *graxis pietatis* каждого благочестивого человека. Основным отличием пиетизма от других религиозных направлений является его практический, прикладной характер: пиетизм понимается как *theologia experimentalis*, где опыт является центральным, ключевым понятием и должен непременно загораться от божественной печали. Таким образом, феномен меланхолии, возродившийся в немецком мире, современном позднему Жуковскому, проникнут религией, учение Христа органично вливается в эту концепцию, в ней также находят свое место религиозное раскаяние, покаяние, перерождение, центральное значение отводится богобоязненности и греху. Поздняя концепция Жуковского исходит во многом из этого европейского понимания меланхолии. Рассуждение поэта в полемическом письме к князю П.А. Вяземскому от 3(15) марта 1846 года по типу нарратива близко к благочестивым сочинениям немецких проповедников. Толкование, которое выражает в статье Жуковский, было характерно как раз для духовных назиданий немецких авторов XVII в. «Благодаря им меланхолия больше не рассматривалась как грех уныния, напротив, она помогала человеку на пути к истинному христианству, «служила одним из важнейших механизмов идентификации „истинного христианина“, так как именно в размышлениях, о страданиях человек осознавал свою „самость“» [2, С. 295]. В 1840-1850-е русский романтик рассматривает меланхолию как глубокую, напряженную внутреннюю работу души, что свидетельствует о процессе творческой эволюции в освоении концепта под влиянием традиций немецкого мира.

С меланхолией тесно связан концепт энтузиазма, который неоднократно возникал в размышлениях Жуковского. Первоначально энтузиазм понимался как определенный тип религиозного сознания. Энтузиастами называли людей, которые считались до одержимости вдохновленными богом. Но после Реформации этот термин приобрел отчетливо негативное значение, представителей этого направления уже открыто называли фанатиками. Совершенно особое значение энтузиазм приобрел в XVII веке, когда был соотнесен с меланхолией.

Жуковский в период позднего жизнетворчества, активно осваивая книжную культуру немецкого благочестия и пиетизма, без сомнения, знал о судьбе энтузиазма в Германии. Результаты изучения и переосмысления данного феномена Жуковский отразил в статье «Энтузиазм и энтузиасты». Не используя стиль поучения и назидания, не привнося лексику, характерную для жанра духовно-назидательной литературы, поэт стремится максимально просто и доступно объяснить читателю суть энтузиазма светского и необходимость христиан-

ского энтузиазма. Автор начинает свои размышления с вопроса «Когда наиболее являются энтузиасты?» [1, С. 137]. Жуковский стремится установить, какие исторические и жизненные условия порождают интересное его явление. В следующем предложении поэт сам дает ответ на свой вопрос: «Во времена смутные, во времена волнений гражданских и религиозных, в которых распространяется повсеместно какая-то вулканическая деятельность, не имеющая ясного предмета» [1, С. 137]. Субъекта энтузиазма первый русский романтик определяет как «человека сильного, страстного характера, самоотверженно предающемуся своим любимым идеям; он творит для себя свою собственную совесть и, не видя добра существенного, создает для себя добро химерическое и действует по произволу, а не по долгу, руководствуясь одним собственным убеждением, и все остальное ему подчиняет», он способен «легко отделить себя от общего» [1, С. 138]. Страсть, некое чрезмерное воодушевление вкупе с отсутствием конкретного предмета своих стремлений, присущее энтузиазму века XIX, представляется Жуковскому опасным в отрыве от христианской веры. Лишь вера, по мнению поэта, способ-

на обуздать энтузиазм и направить его в благое русло: «Итак, энтузиазм благодетелен только тогда, когда он есть пламенная любовь к идеальному общему благу, соединенная с твердостью положительных правил нравственности, признанных веками за непреложные: скажу проще, когда он утвержден на вечном фундаменте христианства» [1, С. 138]. Эволюция категории энтузиазма в понимании Жуковского очевидна: «русский поэт-романтик, приветствовавший в начале века “священный энтузиазм” дружбы и творчества, в середине века с ужасом заговорил о непредсказуемых последствиях революционного энтузиазма» [5, С. 161], а к концу творческого пути обратился к религиозно-философским истокам концепта.

Таким образом, появление на горизонте осмысления Жуковского в конце 1840-х – начале 1850-х гг. концептов *меланхолии* и *энтузиазма* следует воспринимать на аутентичном фоне культурно-исторических и социальных реалий немецкого мира. Такое осмысление в аутентичном контексте позволяет понять характер эволюции его романтизма, во многом инициированной особого рода германофильством.

Библиографический список

1. Дубовенко К.И. В.А. Жуковский и западная духовно-назидательная литература: к постановке вопроса // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: в 10 ч. Часть IV. Белгород, 2015. С. 34-38.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13 М., 2004. 607с.
3. Никонова Н.Е. В.А Жуковский и немецкий мир. Дис. ... докт. фил. наук. Томск, 2013. 336 с.
4. Никонова Н.Е., Дубовенко К.И. Немецкая духовно-назидательная литература как система координат позднего В.А. Жуковского: неизвестные автографы поэта в изданиях книги «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей» // Вестник ТГУ. № 379. С. 28-35.
5. Садовников А.Г. Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма в творчестве В.А. Жуковского. Дис. ... канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2009. 199 с.
6. Янушкевич А.С. Метафоры русского энтузиазма // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Boehlau, 2006. С. 151–169.
7. Schings Hans-Jürgen. Melancholie und Aufklärung. Melancholiker und ihre Kritiker in Erfahrungsseelenkunde und Literatur des 18. Jahrhunderts. Metzler, Stuttgart, 1977. 466 S.

References

1. Dubovenko K.I. V.A. Zhykovsky and ecclesiastical-protreptic literature: to the statement of purpose // Theoretical and practical aspects of modern science. Vol. IV. Belgorod, 2015. Pp. 3438.
2. Zhukovsky V.A. Complete Works and Letters (of V.A. Zhykovsky). Vol.13. M., 2004. 607 p.
3. Nikonova N.E. V.A. Zhykovsky and the German world. Doctor thesis in Philological Sciences. Tomsk, 2013. 336 p.
4. Nikonova N.E., Dubovenko K.I. German ecclesiastical-protreptic literature as the coordinate of late V.A. Zhykovsky: the unknown poet's signatures in the book „The biblical Christmas gift for adults and children” // Bulletin of TSU. № 379. Pp. 28-35.
5. Sadovnikov A.G. The place of melancholy conception in the sentimentalism's artistic system of V.A. Zhykovsky's writing. Candidate thesis in Philological Sciences. Nizhnij Novgorod, 2009. 199 p.
6. Yanushkevitch A.S. Metamorphoses of Russian enthusiasm // Russian concepts of modern history. Boehlau, 2006. Pp. 151–169.
7. Schings Hans-Jürgen. Melancholy and the Enlightenment. Metzler, Stuttgart, 1977. 466 p.